

МАРГАРИТА ДЖАМАЙ

Дочери света

ДОРОГАМИ ВЕРЫ

Маргарита Джамай

Дочери света. Дорогами веры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73750668

ISBN 9785006964532

Аннотация

Ленинград, 1951 год. Жизнь молодой комсомолки Кати Смирновой строится на вере в партию и светлое будущее. Но одно неосторожное знакомство – и она осуждена как «враг народа». В далеком Озерлаге Катя сталкивается с невыносимыми условиями, болезнью и полным крушением всех идеалов. Именно в этот момент она встречает удивительных женщин – «дочерей света». Они сохранили веру, любовь и стали для нее сестрами. Это пронзительная повесть о том, что даже в самые темные времена находится место надежде.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дочери света Дорогами веры

Маргарита Джамай

© Маргарита Джамай, 2026

ISBN 978-5-0069-6453-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ленинград, 1951 г.

– Вы же понимаете, что это значит?

Вопрос следователя Алексея Васильевича Стукова вывел Катю из оцепенения. Казалось, что хрупкую девушку, которая сидела на неудобном жестком стуле напротив, интересовала только форма двух необычных пятен от чернил на столе.

Но так было лишь на первый взгляд. Екатерина Смирнова, студентка истфака Ленинградского педагогического института, старалась справиться с внезапно обрушившимся на нее вызовом в городское отделение Министерства государственной безопасности.

– Я не понимаю, о чем вы? Я ничего не сделала...

– Вот именно! – почти взвизгнул сидевший напротив суховатый мужчина, перебирая несколько листов из картонной папки с какими-то номерами.

– При вашем прямом попустительстве, гражданка Смирнова, у нас практически под носом процветала группа, активно занимавшаяся антисоветской деятельностью. И вы вместо того, чтобы проявить бдительность, закрыли на это глаза. И только благодаря другим более идеологически стойким товарищам наши органы госбезопасности смогли пре-

кратить эти опасные действия.

– Что вы такое говорите? – снова спросила Катя. Пока ей не удавалось понять, в чем именно ее обвиняют.

– Имена Аркадий Лисовский, Тамара Сикорская, Татьяна Берггольц, Сергей и Владимир Креоповы вам о чем-то говорят?

– Не уверена...

Но тут Катя стала с ужасом стала вспоминать, как недавно они с Николаем, ее другом и ухажером, случайно, через шапочных знакомых, попали на литературную встречу в квартире известного композитора Аркадия Савельева. Катя с трудом вспоминала их лица, но имена вроде были те же. С полной уверенностью она могла сказать, что они просто обсуждали литературу, язык и приемы некоторых новых авторов, и совершенно не касались ни одной политической темы.

– Но там ничего такого не было... – сдавленно ответила девушка.

– Ага, значит признаете факт знакомства с указанными гражданами, – торжествующе сказал следователь Стуков.

– Я видела их один раз, и мы обсуждали литературу, – немного увереннее начала Катя. Она наконец поняла причину вызова и смогла взять себя в руки, чтобы отстаивать свою правоту.

– Однако, мы установили, что эта группа занималась антисоветской деятельностью и активно вербовала сторонни-

ков среди идеологически неутвержденных граждан, – продолжал гнуть свою линию Алексей Васильевич.

– Я с ними ни в каких делах не участвовала! – твердо ответила его собеседница.

– Это мы еще проверим! Пока мы опрашиваем свидетелей и разбираемся в ситуации, а потом еще раз поговорим с вами, – хотя голос следователя звучал ровно, Катя почувствовала реальную угрозу.

Закончив бумажные формальности, девушку отпустили, и она как можно быстрее покинула управление. Казалось, даже воздух в здании был тяжелым, с ощутимой примесью тревоги и какой-то неясной угрозы.

На улице дул холодный и влажный ветер, какой может быть только на побережье Балтийского моря. Он проникал до самых костей, чтобы забрать как можно больше тепла.

– Ненавижу холод, – в сердцах сказала Катя, плотнее кутаясь в свой пуховый платок, последний подарок бабы Нади.

В своем военном детстве она часто мерзла, и сейчас любовью намеков на холод казался ей трагедией.

После вызова в управление встречаться с Николаем, который и втянул ее в эти неприятности, совершенно не хотелось, хотя они были неразлучны последние четыре месяца. С молодым мужчиной, недавним выпускником журфака, а сейчас начинающим обозревателем областной газеты, Катя познакомилась в театре, куда им обоим дали билеты от комсомольского актива.

Новый знакомый проводил ее до общежития, они разговорились. Николай, веселый и необыкновенно начитанный, быстро стал ее Коленькой, и пара уже строила планы на совместную жизнь.

Но сейчас в сердце Кати бушевали самые разные эмоции, и помимо страха и растерянности, там была злость на Колю, который не только сам пошел на тот злополучный литературный вечер к незнакомым людям, но и взял с собой подругу.

В таком раздразе девушка вышла на улицу и пошла вдоль набережной к себе в общежитие. Величественные дома, гранит и монументальные колонны, которые ее неизменно восхищали в городе на Неве, сегодня подавляли и внушали неясное беспокойство.

– Надо поговорить с Раей! – вдруг решила Катя и сразу же успокоилась.

Раиса Тарасова была секретарем бюро ВЛКСМ их института, знала все, что происходит вокруг и умела быстро принимать волевые решения. Но также она была Райкой – девчонкой с соседней улицы, той, кто знала Катю с детства, привела ее в комсомол и уговорила поехать поступать в Ленинград, чтобы навсегда вырваться из тесноты и грязи их рабочих бараков.

Вскоре после возвращения в общежитие Катя зашла к Рае. Хотя в комнатах института обычно селили по четверо, для секретаря бюро сделали исключение, поэтому можно было обсудить все с глазу на глаз.

Рая была самым воплощением энергии и прогресса – модная короткая стрижка, макияж на глазах и рубашка в крупную клетку. Такая смелость всегда восхищала Катю, но и немного подавляла.

Девушка рассказала старшей подруге всю ситуацию. Рая внимательно выслушала, уточняя по ходу рассказа непонятные ей детали.

– Пока ничего не предпринимай сама, я подумаю, что можно сделать, – напоследок твердо сказала Рая.

Кате уже тогда не понравился отстраненный взгляд Раи, но она привыкла доверять во всем своей старшей подруге.

Дни потекли дальше, девушка как обычно исправно ходила на занятия. И вроде ничего особо не изменилось, но иногда Катя замечала напряженные взгляды от некоторых преподавателей и ее соратников по институтскому комсомольскому бюро.

Этим утром девушка проснулась раньше обычного – на улице бушевала февральская непогода, и колючие снежинки-льдинки хлестали в окно. Вставать совершенно не хотелось, но сегодня первой стояла лекция по истории партии, и ее совершенно точно не стоило пропускать.

Когда Катя зашла в аудиторию, преподаватель Анатолий Степанович Фомин, который по совместительству был руководителем парткома их института, бросил на девушку нечитаемый взгляд и не поздоровался в ответ. Это был пожилой мужчина с блеклой внешностью и маленькими крысиными

глазками. Он преподавал еще с царских времен и отличался умением узнавать все первым и выкручиваться из любой ситуации.

Настроение Кати окончательно упало, но она постаралась сосредоточиться на лекции. Анатолий Степанович рассказывал давно заученными и выверенными фразами об идеалах справедливости, которые пришли в страну вместе с большевиками.

Пара тянулась мучительно долго, но даже и она имела свойство заканчиваться. Весь поток вышел в коридор.

– Смирнова, после четвертой пары приходи в актовЫй зал, будем разговаривать, – сказал Роман Войтов, аспирант их кафедры и, по совместительству, заместитель Раи.

– А по какому поводу? – удивилась Катя, ведь обычно ей удавалось заранее узнавать о встречах.

– Придешь – узнаешь, – отрезал Роман, и девушке стало понятно, что ничего больше от него она не добьется.

Настроение окончательно испортилось. Непогода не унималась, на улице становилось все сумрачней и, казалось, еще немного и свинцовые тучи ленинградского неба упадут и задавят собой все в городе.

Катя немного озябла и пошла в столовую, чтобы выпить горячий сладкий чай и съесть булочку. Мысли ходили по кругу, Катя старалась успокоить себя, как умела, тем более Рая пообещала во всем разобраться, а ей девушка доверяла как себе.

Следующие пары прошли как в тумане, но наконец преподаватель закончил семинар и отпустил студентов. Катя поплелась в актовЫй зал. Она понимала, что придется объясниться по поводу вызова в управление НКВД, но надеялась, что ее просто поругают за участие в том злополучном литературном вечере без временного отстранения с должности комсорга. Хотя и потерю должности она уже не исключала, тем более в городе, среди партийных и комсомольцев ходили разные слухи о странных судебных процессах, о которых все слышали, но никто толком ничего не мог объяснить, а, значит, будут перестраховываться.

Девушка вошла в зал. Весь их комсомольский актив, а также все заместители комсоров факультетов и групп были на месте. Также пришел ректор Владимир Яковлевич Кондратьев и парторг их института, что еще больше не понравилось девушке.

Катя постаралась успокоиться и стала искать глазами Раю, надеясь получить от нее поддержку. Старшая подруга разговаривала с каким-то человеком неброской внешности, но с цепким взглядом. Он что-то тихо и с нажимом говорил Рае, которая сначала застыла, но через несколько мгновений решительно кивнула и пошла к президиуму. Она вскользь посмотрела на Катю, и стало понятно, что сейчас перед ней не подруга ее детства, а парторг института, которая будет делать то, что должна, а не то, что хочется.

Рая отодвинула стул и села, поздоровавшись с Романом

и Анатолием Степановичем, которые уже расположились за столом. Последний открыл папку и передал заранее написанную бумагу Рае, которая под всеобщее молчание стала ее изучать. Дойдя до конца, она вздрогнула.

Роман с сочувствием посмотрел на нее и решил начать собрание, поприветствовав участников и отдельно Анатолия Степановича и ректора, который очевидно не одобрял происходящее, но, похоже, ничего не мог сделать.

Первым вопросом Роман поставил отчет о прошедшем субботнике, он поблагодарил комсorghов за организацию и предложил считать мероприятие успешно проведенным. Все подняли руки и дружно проголосовали. Роман вернулся на свое место.

Повисла пауза, все поняли, что сейчас узнают, ради чего их сегодня собрали. Рая встала и медленно подошла к кафедре, чеканя шаг.

– Вторым вопросом предлагаю рассмотреть персональное дело Смирновой Екатерины Ивановны, – начала она.

– Гражданка Смирнова, как нам стало известно, утратила политическую бдительность и вступила в порочащие для члена ВЛКСМ связи.

У Кати рухнуло все внутри. Она знала всю кухню изнутри, и если вместо товарищ использовали гражданин, то ничего хорошего уже ждать не придется. Скорее всего, решение уже приняли или даже спустили сверху. Рая продолжала что-то говорить о связях Кати с врагами народа и том, что она всем

сердцем поддерживала

– Кто хотел бы высказаться по этому вопросу?

Все пораженно молчали. Катю знали многие, видели, насколько она была предана идеям комсомола и активно участвовала во всех мероприятиях. Большинство сразу поняли, что инициатором происходящего является не Рая и не институтское комсомольское отделение, поэтому лучше не задавать лишних вопросов и не привлекать к себе внимание. Тем более все следили за публикациями в газете и видели множество, казалось бы, не связанных друг с другом разоблачений, которые для понимающих складывались в нечто единое, которое немногим позже назовут «ленинградским делом».

– Я бы хотел выразить свое отношение к действиям гражданки Смирновой, которую до недавнего времени мы все считали товарищем, – вдруг подал голос Анатолий Степанович.

У Кати за время учебы сложились прекрасные отношения с политруком их института, он не раз отправлял ее на важные мероприятия комсомольского актива, где она всегда достойно представляла их вуз. Сейчас же девушка уже не была уверена, что политрук поддержит ее.

– Комсомольская организация дала путевку в жизнь гражданке Смирновой, и долгое время она вводила в заблуждение всех нас относительно своей политической сознательности. Но недавно маска стала спадать, и Екатерина Ивановна

связалась с чуждыми нашему обществу элементами, став частью антисоветской группы. На встречах этой группы звучали негативные высказывания в адрес советской власти, которые мне даже противно повторять. Гражданка Смирнова не только не осудила эти разговоры, но и приняла самое активное в них участие. Мне стало об этом известно, я провел беседы с Екатериной Ивановной и был вынужден отстранить ее от участия в комсомольском слете в надежде, что это поможет ей одуматься.

Катя пораженно смотрела на Анатолия Степановича. Он действительно однажды увидел, как Николай встречал ее после занятий у входа в институт, и она их представила друг другу. Но когда политрук узнал, что Николай тоже состоит в комсомоле и готовится к вступлению в партию, то одобрил выбор девушки.

– Но я же тогда просто заболела, – тихонько прошептала Катя на обвинения в том, что ее отстранили от участия в слете из-за ее антисоветской деятельности.

Клубок предательства и клеветы почти физически закручивался вокруг девушки, а она ничего не могла сделать.

– К сожалению, на этом она не остановилась и начала проводить агитацию среди студентов нашего вуза, но к счастью, другие комсомольцы проявили политическую бдительность и сразу же сообщили мне, поэтому нам удалось в зародыше задавить эту гниду антисоветчины, – продолжал расходиться Анатолий Степанович.

– Товарищ Коломийцев, вам слово!

На трибуну поднялся Денис Коломийцев, заместитель Кати в их группе. Он, также как и девушка, вырос в рабочих бараках Свердловска и приехал в Ленинград в поисках лучшей доли. Он прекрасно понимал, что только продвижение по комсомольской линии позволит ему добиться своих целей, поэтому уже не раз пытался обойти Катю. Сейчас он с торжеством смотрел на своего недавнего руководителя, и понимал, что именно его назначат на должность комсорг группа, а потом, наверняка, и всего курса.

– Действительно, гражданка Смирнова, пользуясь своим положением, пыталась склонить меня к участию в антисоветской группе. Такая деятельность мне была глубоко чуждой, также я опасался за других, менее идеологически устойчивых студентов, поэтому обратился к политруку нашего института с просьбой прекратить эту враждебную деятельность. – закончил свое выверенное с кем-то до буквы выступление и после кивка Анатолия Степановича вернулся на место.

– Благодарю, товарищ Коломийцев, за вашу бдительность и политическую устойчивость. Таким, как Смирнова, не место в нашем обществе! – эмоционально воскликнул Анатолий Степанович, вернулся на президиум и выжидательно посмотрел на Раису.

Катя все ждала, что ей наконец дадут возможность все объяснить, рассказать, что это какая-то чудовищная ошиб-

ка. Но сейчас стало ясно, что ей не дадут никакого шанса. Внутри все кипело от обиды и непонимания.

Раиса встала и подошла к президиуму. Она медленно обвела глазами всех присутствующих. Было понятно, что девушка уже взяла себя в руки.

– Предлагаю на голосование следующее решение: «Исключить Смирнову Екатерину Ивановну из рядов ВЛКСМ за утрату политической бдительности и порочащие связи, как запятнавшую звание комсомолки. Ходатайствовать перед ректором об отчислении из института», – не дрогнувшим голосом произносила Рая.

– Кто за?

Внутри у Кати все упало. Все уже было решено и одобрено, а Рая и Денис согласились предать ее. Девушка обернулась. Большинство прятали глаза и нехотя поднимали руку, кто-то с вызовом на нее смотрел, надеясь продвинуться дальше в грядущих перестановках, другие плохо понимали ситуацию, поэтому повторяли за остальными, чтобы не ошибиться.

– Единогласно! – подвела итог Раиса и объявила об окончании заседания.

В зале было тихо. Не было слышно смеха и шутивых перепалок, как обычно было после окончания заседаний актива. Но отчетливо было понятно, что большинство вздохнули с облегчением, что не они оказались на месте Кати.

Раиса не подошла к своей недавней подруге, а сразу же пе-

реключилась на разговор с Анатолием Степановичем и неизвестным мужчиной, который внимательно наблюдал за собранием. Они одобрительно кивнули Раисе, и она ушла с ними.

К Кате никто так и не подошел. Все поспешили уйти с места расправы, и девушка еще долго сидела в одиночестве. Сначала ей не верилось в происходящее, потом она проигрывала в голове снова и снова каждый миг этого странного заседания, и гнев и обида просто переполняли ее. Одновременно из глаз лились слезы.

Спустя часа два Катя кое-как дошла до своей комнаты в общежитии. Никого из ее соседок не было – теперь девушка была как чумная, и никто не хотел оказаться рядом с ней. Ей было больно от обвинений, непонимания ситуации, отстраненности недавних друзей. Кажется, что земля стала уходить у нее из-под ног.

Катя еще долго не могла уснуть. Полночи она то злилась, то жалела себя, то обвиняла известных и неизвестных ей участников этой расправы. Только под утро, измученная своими мыслями, уже бывшая комсомолка заснула.

Глава 2

На следующее утро Катя допоздна проспала и впервые в своей жизни решила не ходить на занятия. Она прекрасно понимала, что если отделение ВЛКСМ подаст ходатайство ректору, то ее отчислят. Это займет несколько дней, может неделю, а значит, ей нужно думать, куда идти дальше.

До вчерашнего собрания у Кати еще теплилась надежда, что Рая придумает, что можно сделать. Девушка уже была морально готова, что ее снимут с должности комсорга их группы, но вчерашний поворот событий она даже представить себе не могла. А давняя подруга попросту предала ее, заверив, что сама решит проблему.

Катя снова дала волю слезам, хотя обычно старалась держать все чувства при себе. Свое детство девушка провела в рабочем бараке, где помимо их семьи, состоявшей из родителей, четырех братьев и сестер, а также бабы Нади, тетки ее матери, ютилось еще пять семей. У девочки не было даже своего уголка, и уроки приходилось делать, где придется, пытаясь сосредоточиться среди криков, ругани и самых разных запахов.

Она всегда мечтала вырваться из этого убогого мирка. И именно Рая объяснила ей, что для них, нищих девчонок из рабочей слободы, единственный путь вверх – это проявить себя сначала ответственными пионерками, а потом

вступить в комсомол. Это решение казалось Кате самым верным, тем более ее по-настоящему увлекли идеи коммунизма, которые обещали светлое будущее всем и каждому.

Слезы продолжали катиться, и не было никакого желания их останавливать. Сколько она так пролежала, девушка и сама не поняла, тем более на улице пурга не унималась и было темно, как будто солнце окончательно забыло дорогу к небу над Ленинградом.

Что делать дальше, Катя даже не представляла. Возвращаться к отцу-пьянице и вечно замученной матери, от которой не дождешься доброго слова, совершенно не хотелось, знакомых, которые бы ей готовы были помочь, у нее не было, да даже если бы и были, после вчерашнего точно никто не похлопотал бы за нее. Пока у нее оставалось пару дней до отчисления и выселения из общежития, она решила поискать работу на какой-нибудь фабрике, пусть даже уборщицей или разнорабочей.

Медленно она оделась и вышла на улицу. Пронизывающий ветер захватил ее и немного протащил вперед. Девушка начала бесцельно ходить по улицам, читать объявления о работе, но ничего хоть немного подходящего не находилось. Так прошел первый день ее новой жизни.

– Может сходить к Николаю и узнать, как он? – мелькнула мысль, но Катя ее быстро выбросила.

Злость на жениха уже прошла, но ей было бы страшно узнать, что у него все хорошо, и он смог выйти сухим

из воды. Тем более Кате хотелось, чтобы Николай сам пришел к ней и хотя бы извинился, что втянул ее во все это, но от него не было никаких вестей.

Когда уже бывшая студентка вернулась в общежитие, в комнате была одна из соседок, но она демонстративно отвернулась и не разговаривала, Катя не стала настаивать, просто разделась и голодной легла спать.

На следующее утро она решила в последний раз сходить на лекции, чтобы окунуться в столь любимую ей суету студенческой жизни. В институт она зашла в волнении, понимая, что ее там уже не ждут, но так хотелось еще хоть немного подышать воздухом той жизни, о которой она всегда мечтала.

К косым взглядам и шепоткам за спиной Катя была готова, впрочем, как и удивлению от преподавателей. С ней никто не разговаривал, и она сама ни к кому не подходила.

Была последняя в расписании лекция по теории историографии, в аудитории Катя прошла в самый конец и села за последнюю парту.

И тут ее неприятно кольнуло – именно здесь еще недавно сидела Нина Всехсвятская, единственная из их потока происходившая из семьи потомственных профессоров и священников. Она отличалась невероятными манерами, широким кругозором и, одновременно, кротким характером.

Пожалуй, сейчас Катя могла себе признаться, что завидовала ей. И как представитель комсомольского актива инсти-

туда, добивалась так рьяно ее отчисления, особенно после того, как узнала, что Нина была на отпевании своей бабушки в церкви и даже перед ее смертью согласилась принять крещение. Тогда вера казалась Кате чем-то бесконечно чуждым, с чем нужно бороться, а сегодня она сама сидела на месте Нины и уже сомневалась в правильности своих действий.

– Прости меня, надеюсь, у тебя все будет хорошо, – сказала мысленно ей Катя.

Девушка с грустью и жадностью слушала лекцию, понимая, что такого больше никогда в ее жизни не будет. А после зашла в приемную ректора, чтобы узнать, сколько у нее еще есть времени.

– Владимир Яковлевич похлопотал за вас и выбил еще пять дней в общежитии, хотя Анатолий Степанович настаивал на исключении и выселении на следующий же день, – доверительно сообщила секретарь.

Раньше в их комсомольском активе они ругали ректора за его мягкотелость, а сегодня Катя была благодарна за это, понимая, что ректор по-отцовски сделал для нее все, что мог в этой ситуации.

На улице смеркалось, девушка зашла в общежитие, чтобы оставить учебники с тетрадями и снова попытаться найти работу.

Когда она спускалась в холл, ее негромко окликнули из темного угла. Это была Рая. Катя хмыкнула, но все же поприветствовала ее.

– Извиняться не буду, я ничего не могла сделать, а если бы заступилась, то на дно вместе с тобой пошел бы весь наш комсомольский актив, – четко и быстро сказала недавняя подруга.

Кивнув, Катя показала, что приняла это к сведению. Понять или поблагодарить Раю она не могла, но этот разговор был нужен им обоим.

– Анатолий Степанович узнал все, за тебя крепко взялись, – дальше пояснила Рая.

– О чем ты? – с удивлением уточнила Катя.

– Всех подробностей не знаю, но твой Николай, когда на него надавили, разлился соловьем, так что ты теперь по уши во всем этом. Мне жаль, что он все свалил на тебя.

– Но это он меня привел на ту злополучную встречу! – начала было доказывать Катя.

– Смирнова, я не начала это, я просто тебе рассказываю ситуацию, что твой ухажер оказался слабаком и предателем, – жестко ответила Рая.

«Также как и ты!» – хотела сказать Катя, но осеклась и просто помолчала пару секунд. Девушки стояли молча в гнетущей тишине. Одна переживала горечь предательства от людей, которым доверяла, другая пыталась внутренне оправдать свой выбор, теряя что-то человеческое внутри себя.

– Да, понимаю, – наконец прервала молчание Катя. – Теперь не знаю, что буду делать дальше, вот, думала, работу

поискать, а то к родителям не хочется возвращаться.

– Кать, для тебя эта история не закончилась, – сказала Рая. Было видно, что она хотела добавить что-то еще, но передумала.

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – ответила ей Катя, развернулась и пошла.

Рая какое-то время задумчиво смотрела ей вслед.

– Надеюсь, моя девочка, ты справишься, очень надеюсь, – тихо прошептала она, когда убедилась, что ее уже никто не услышит.

В сердце Кати бушевала еще большая непогода, чем на улице – обида на Николая, на Раю, Анатолия Степановича и весь их комсомольский актив. Одновременно ее мучили вопросы, что делать дальше, где жить, но больше всего ей было страшно от слов Раи, что для нее еще ничего не закончено. «Что это значит? Может просто штраф? Или общественные работы? А если высылка?» О более страшном развитии событий она и думать не хотела.

Постаравшись задавить в себе ненужные сейчас вопросы и чувства, Катя пошла вдоль заснеженных улиц, рассматривая доски объявлений возле различных учреждений. Так она делала уже несколько дней, но пока поиски не увенчались успехом. Очень хотелось кушать, но девушка свою небольшую стипендию решила попридержать, посчитав, что одного раза в день пока ей должно хватить.

Рабочий день закончился, а значит, и поиски нужно было

отложить до завтра, но в общежитие совершенно не хотелось возвращаться. Девушка, уже порядком озябшая, продолжала бесцельно бродить по улицам старинного города. Перед ней медленно плыли разные эпохи. Когда-то здесь стояли памятники прежним владельцам, кто-то хотел сделать себе имя в веках, но новое поколение безжалостно стирало их усилия. Наверняка, когда-то и воспоминания об этом времени будут также стерты, потому что все в этом мире бrenно.

Катя продолжала куда-то идти, особо не выбирая дорогу, ведь она знала город очень хорошо, а значит, как только окончательно устанет, вернется в общежитие. Но сейчас блуждания по старинным улицам и подворотням ее успокаивали и хоть как-то помогали справиться с бурей внутри.

Девушка и сама не заметила, как обнаружила, что стоит уже не на мостовой. Вокруг были деревья и совершенно не было освещения. Катя обернулась назад и начала осматриваться – оказалось, что она вышла на заброшенное кладбище возле старинной церкви. Таких мест не так много осталось в Ленинграде, но сегодня она его нашла.

Катя немедленно развернулась и пошла в сторону освещенной улицы. Вокруг нее были старинные надгробия, которые с двух сторон, казалось, смыкались над ней. Она ускорила шаг и постаралась отмахнуться от мысли, что они как будто создали крестный путь для нее.

Спустя час девушка была возле своего общежития. Хотелось поскорее отдохнуть и согреться, тем более на первом

этаже у них всегда стоял самовар с кипятком, который растапливали дежурные.

Катя зашла в холл. На нее пахнул хорошо знакомый запах кислых щей и старого дерева. Обычно на входе всегда толпились студенты и их гости, но сегодня тут было подозрительно тихо.

Когда глаза привыкли к освещению коридора, Катя поняла почему. На стульях, принесенных из каморки дежурного, сидело двое мужчин. Оба были одеты в штатскую одежду невзрачных цветов, но военная выправка и цепкий взгляд не оставляли места сомнению, кто был перед ней.

Оба гостя переглянулись и кивнули. Старший группы, мужчина лет сорока пяти, встал и медленно подошел к девушке. Каменное выражение лица и пустой взгляд могли испугать любого.

– Смирнова Екатерина Ивановна?

– Да, – скорее пропищала, чем сказала Катя. Дело приобретало самый ужасный оборот, какой только можно было представить.

– Вам нужно пройти с нами. Покажите вашу комнату, – все так же безэмоционально попросил старший группы.

Катя снова кивнула, она знала, как работает система, и понимала, что спорить бесполезно, поэтому просто развернулась и пошла в сторону своей комнаты. Дежурные по общеджитию проводили их взглядом.

Девушка подошла к своей комнате и открыла ее – здесь

никого не было, видимо, соседок уже предупредили.

Двое ее сопровождающих без разрешения вошли в комнату. Старший в группе протянул Кате сложенный лист бумаги.

– Ознакомьтесь. Это постановление на арест и обыск. Вы подозреваетесь в связи с антисоветской группой, – пояснил он.

У Кати все поплыло перед глазами.

– Как? Почему? – это единственное, что могла сказать девушка, не веря, что такое могло случиться с ней, комсомольской активисткой, которая всей душой верила в идеалы партии.

– Ваша задача честно рассказать следствию все, что вам известно. От этого зависит ваша дальнейшая судьба, – продолжал он, совершенно не обращая внимания на заданные ей вопросы.

Он уже больше десяти лет работал в органах безопасности и делал все по накатанной, не вникая в судьбы и обстоятельства людей, которых он арестовывал.

Тем временем младший, мужчина лет двадцати семи, начал методично проверять уголок, где стояла кровать и вещи Кати. Он без особого рвения прощупал матрас, заглянул в тумбочку, а потом просмотрел книги. Мужчина нашел зачетную книжку и комсомольский билет, который девушка еще не успела сдать.

– Обыск и опись изъятого будет произведена по месту на-

значения, – бросил ему старший группы.

– Пройдемте, гражданка Смирнова, – обратился он к Кате, но это было такое предложение, от которого никто не мог отказаться.

Вместе они пошли по коридору, и, хотя там никого не было, были видны слегка приоткрытые двери, откуда на нее смотрели десятки любопытных и сочувствующих глаз. Катя по-прежнему не верила, что это происходит с ней.

Во дворе стоял темно-серый «воронок», который девушка не заметила, когда шла в общежитие. Из кабины вышел водитель, который молча открыл заднюю дверь и рукой показал Кате, чтобы она туда залезла. Она молча подчинилась.

– Не шуми, – бросил он ей, когда захлопнул дверь.

– Сегодня все спокойно, всегда бы была такая смена, – переговаривались ее конвоиры между собой. – Эту отвезем и все, по домам.

Именно на этой фразе Кате стало особенно горько, ведь она тоже шла домой, хотела согреться и выпить горячего чая. Новая реальность постепенно накрывала девушку, и множество самых разных эмоций переполняли ее, но больше всего ей было обидно от несправедливости происходящего.

Внутри было тесно, и это был даже не кузов, а темный металлический ящик с двумя узкими деревянными скамьями. Было очень холодно, хотелось плакать, но Катя держалась из последних сил, понимая, что слезы сейчас только все

ухудшат.

Машина ехала достаточно долго. Сначала они заехали куда-то и, как поняла девушка, взяли какие-то бумаги. Ее никто не стал выводить, и Катя изрядно промерзла, сидя в неотапливаемом железном кузове, продуваемом холодным и влажным февральским ветром. У нее начался кашель, от которого девушка сама вздрогнула.

Глава 3

Их машина прибыла на место, и окончательно замершую девушку вывели во двор ведомственного изолятора. На удивление сейчас было практически чистое небо, и даже видно несколько звезд. Катя подняла лицо вверх, ища хотя бы там поддержку и защиту.

Ее конвоиры решали какие-то вопросы, поэтому ей удалось немного полюбоваться небом. Девушка с детства любила смотреть на звезды, гадая, что же находится там, в вышине.

Наконец все было закончено, и ее повели внутрь мрачного здания. Изолятор был поистине огромным, с множеством переходов, каких-то помещений и дверей с замками и окошками.

Одно это холодное здание уже было способно сломить любое сопротивление. Конечно, об следственном изоляторе «Кресты» шептались в их комсомольском активе, но все наивно верили, что такое попросту не может с ними случиться.

Девушка окончательно потерялась. С ней случилось то, что никак не вписывалось в ее представления, и как ей правильно реагировать, Катя не знала. Прогоняя воспоминания о ее быстром исключении из комсомола без возможности оправдаться, словах Раи и предательстве Николая, она все отчетливей понимала, что дело приняло совсем скверный

оборот, а такой явный арест в общежитии вряд ли бы устраивали, если еще ничего не было бы решено.

Это осознание настолько затопило ее разум, что она споткнулась. Конвоир грубо дернул Катю за локоть, немного вывернув его. Боль отрезвила девушку, и она послушно пошла дальше по тускло освещенному коридору.

Вскоре ее завели в небольшое помещение без окон. Там было две женщины неопределенного возраста. Старшая по званию была высокого роста с глубокой некрасивой складкой возле губ, которые она все время держала поджатыми. Вторая с красным, немного одутловатым лицом, была полной, других черт Катя не запомнила.

Конвоиры передали им девушку и какие-то сопроводительные бумаги. Высокая недовольная женщина их молча подписала, было видно, что лишние разговоры она не любит и предпочитает делать свою работу молча и методично.

Ее напарница подошла к Кате и резко бросила:

– Раздевайся быстро!

Девушке стало неуютно под взглядами незнакомых людей, и она стала медленно раздеваться. Сначала сняла шарф, потом пальто и сапоги. В помещении было прохладно, и пальцы на ногах съезжились. Вдруг полная женщина с красным лицом дала Кате сильный подзатыльник, так что девушка покачнулась. Она с недоумением посмотрела на свою обидчицу.

– Мы что тут с тобой будем всю ночь возиться? Давай,

пошевеливайся!

Кате пришлось подчиниться. Она достаточно быстро сняла всю верхнюю одежду, оставшись только в нижнем белье.

– Ох уж эта вшивая интеллигенция, вечно они тут жмутся, что-то прикрывают, как будто не понимают, куда попали, – снова прогудела полная надсмотрщица, посмотрев на свою начальницу, которая ничего ей не ответила, но согласно кивнула.

– Все снимай, обыск будет, – насмешливо приказала она.

Катя, сгорая от стыда, сняла и нижнюю рубашку, и белье. Рядом не было никакой лавочки, поэтому она сложила все прямо на пол. Надсмотрщица подцепила ее белье носком своего сапога, а потом брезгливо откинула. От такой грубости и неуважения девушке стало совсем горько.

В это время начальница заполняла протокол обыска, сначала она описала документы, которые забрали у Кати еще в общежитии, потом стала записывать все, что находила ее напарница – часики на тонком ремешке, серебряная цепочка, подарок несостоявшегося ухажера, ремешок, шпильки и все остальное нехитрое богатство вчерашней студентки.

– Все, закончили, – резюмировала старшая. – Выдай этой робу, миску с ложкой, а потом отведи ее в изолятор. Я пока отнесу документы следователю, а потом ждем еще одну, группа Петрова поехала на задержание.

Ее напарница кивнула, подошла к шкафу у дальней стены и достала стопку одежды, а затем миску с ложкой. Она грубо

всучила это девушке, а сама стала собирать ее вещи в пакет.

– Это будет в камере хранения, – хихикнула женщина, и по выражению ее лица Катя поняла, что больше своих вещей она никогда не увидит.

Девушка развернула протянутую одежду. Ткань была грубой и застиранной, везде были какие-то темные пятна. «Надеюсь, это не кровь», – мелькнула пугающая мысль в голове у Кати, когда она натягивала на себя тюремную одежду.

Полная женщина подтолкнула Катю к выходу, и девушка, крепко прижимая к себе миску и ложку, пошла за ней.казалось, в этот момент все ее чувства и мысли просто замерзли, чтобы не дать ей погрузиться в пучину истерики.

Сначала они прошли по короткому коридору, потом повернули налево и прошли по еще одному тускло освещенному коридору, затем спустились вниз на два этажа и еще раз повернули и пошли дальше. В какой-то момент Катя поняла, что совершенно не запомнила дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.